

ПЕРВАЯ ГЛАВА

И был большой город. И жила в нем пара, которая промышляла тем, что вырывала сумки из рук прохожих. То есть совершала открытое хищение чужого имущества — иными словами, грабеж. 161-я статья Уголовного кодекса Российской Федерации.

И звали молодых людей Ирина и Михаил. Были они поджарыми, одного роста и вечно голыми. До секса тоже.

Хоть воровство вошло у них в привычку, волнение перед очередным делом их не оставляло. Они подолгу сидели в машине и собирались с духом.

— Как я выгляжу? — спросила Ира, наблюдая за прохожими через лобовое стекло.

— Ты будешь в маске, — ответил Миша, не глядя на нее.

— И что мне теперь, как уродке, бегать, да?

Миша повернулся и посмотрел на Иру внимательным образом.

— Ты — богиня! — сказал он.

— Если крепко держать будет, сразу отпущай, — сказала Ира. За пять минут до преступления она не верила комплиентам.

— Нет, я, блин, встану и буду сумку из рук выдергивать!

— Ты так делал.

— Не делал я так ни разу, — сказал Миша.

Он знал, что Ира была права. Совсем недавно, на проспекте Мира он вцепился в поддельную сумку «Гуччи», дернул и потащил на себя хозяйку, квадратную женщину за пятьдесят, которая сражалась за сумку, словно там лежал приказ о ее помиловании.

Так они и стояли на фоне мечети и тянули сумку в разные стороны, пока Миша не сообразил и не отпустил порядком растянутые дерматиновые ручки.

— И не надо ко мне близко бежать, — сказал Миша. — Так сразу видно, что мы вместе.

— Боишься, что меня примут? — спросила Ира.

— Да кому ты нужна.

— Подонок, — сказала Ира и притянула Мишу к себе.

Целовался Миша лучше всех в Москве. А может быть, и в России. Ира была в этом точно уверена. У нее был опыт.

— Осторожно. Помада, — сказала Ира, и они поцеловались еще раз.

— И чего? Ты же в маске будешь, — сказал Миша, расстегивая ширинку.

Ира сделала круглые глаза.

— Застегни обратно! — приказала она.

Обычно ее приказов Миша не слушался.

— Ир, давай, а? — он потянул к ней свои ручки.

Прохожие за окнами его не смущали. Ее, впрочем, тоже.

— Мы на работе, — сказала Ира строго.

— Мы быстро.

— Нам за квартиру платить! — она знала его слабые места. Впрочем, ничего оригинального: чувство вины, синдром мужика, «слабó» и еще две-три болевых точки. И чувство ответственности, кстати. Несмотря на судимость.

Миша глубоко вздохнул, застегнул молнию на брюках и насупился:

— Короче, ты мне нужна просто для страховки. На рожон не лезешь. Сбоку всегда. Что бы ни случилось, сам разберусь.

— Может, я тебе вообще не нужна?

— Ир, я тебя прошу, не лезь в бутылку. Послушай. Я сумку дергаю — и по Петровке. Просто будь рядом.

Миша полез в карман за пачкой сигарет. Ира подождала, пока Миша открыл пачку, после нескольких попыток сорвав с нее целлофановую рубашку.

— Не кури. Тебе бегать, — сказала она.

Миша сделал гримасу, убрал пачку. Посидели еще.

— Ладно, выходим, — сказал Миша.

Пошли против людского потока. Старый «жигуль» остался у них за спиной. На номер Миша жвачкой налепил бумажку от сигарет.

Шли плечом к плечу, обходя прохожих. Ира вытаскивала белую медицинскую маску, но надевать ее не торопилась. Миша это заметил.

— Надевай, — сказал Миша. — Скажи спасибо, что не такая, как зимой мы носили.

— Ненавижу эти гондоны, — Иру аж перевернуло.

— Балаклавы они назывались.

— Знаю, — сказала Ира и добавила: — Пожа-
луйста, дергай лучше у баб.

— Ага, — Миша нервно зевнул. — Помнишь,
как та тетка? За собой ее тащил километр!

— Я помню, как тебе мужик зуб выбил, — ска-
зала Ира.

— Ладно, проехали.

Миша остановился. Остановилась вслед за ним
и Ира.

— Вон та, — Миша кивнул.

— Где?

Пришлось показать рукой:

— Вон.

Далеко впереди стояла женщина в джинсах,
с сумкой в руке. Держала сумку за ручки. Прямо
на их глазах женщина поменяла позу.

— Теперь двумя руками держит, — сказала Ира.

— Не слепой, вижу, — сказал Миша. — Сейчас
отпустит.

— Кого отпустит?

— Руку вторую отпустит, — говоря, Миша
разминал ноги. Бывший спортсмен без разминки
не бегал.

И действительно, женщина поменяла руку.
Она разглядывала витрину, в которой выстав-

лена была пара туфель из кожи мамонтенка Димы.

— Всё, — сказал Миша. Это был сигнал.

— С богом, — сказала атеистка Ира и натянула маску. — Я рядом.

— Не лезь, главное!

И Миша побежал. Уверенно, красиво, быстро, хоть сейчас в сборную. На бегу склонил корпус вправо и резким движением вырвал сумку у женщины в джинсах. Та взмахнула крашеной челкой, и раздался мощный, тренированный вой:

— А-а-а! Украли!!! А-а-а! Держи! Украл! Сумку украли!!

Теткин крик перекрыл все уличные шумы. Люди стали поворачивать головы, но Миша под визг тормозов уже перебежал Петровку. Он поймал дыхание, прибавил скорость, резво свернул в Столешников переулок, потом через Дмитровку в Камергерский. А там он знал одну незаметную арку.

* * *

Я никак не могла найти себе работу. Сидела на очередном собеседовании и читала вслух толь-

ко что написанное мной тестовое задание. По мере моего чтения у заказчицы округлялись глаза. Хотя, к слову сказать, они и так у нее были навывкате.

— «Если человек ни разу в жизни не принимал решения, — Юля читает с выражением, будь как Юля! — Если он до сих пор живет с мамой, если он продолжает перекладывать ответственность на всех, кроме себя, и чистит зубы пальцем, если ему в принципе некуда пойти и тем более не в чем — мы готовы принять его на наших курсах...»

— Подождите, подождите, — заказчица не выдержала и перебила меня, подавшись вперед. — Это вы написали в качестве..?

— Да, — сказала я, — это реклама ваших Курсов Европейского Успеха. Тестовое задание.

Заказчица сложила губы в куриную попку:

— Понятно, — прошипела она. — Юлия, мы вам перезвоним.

Надо ли говорить, что звонка от нее я могла ждать до второго пришествия. Почему меня не хотят брать в дружные, сплоченные коллективы? С дисциплиной у меня всё нормально. Внешность — терпимая. Три с двумя плюсами. Харак-

тер только плохой. Не такой, как у отца, но тоже плохой.

В этот день у меня было еще одно собеседование. Менеджер с толстой шеей сказал:

— Расскажите о себе.

— Закончила МГУ, — говорю, — факультет журналистики. На последнем курсе мне пришлось...

Но продолжить он мне не дал:

— График работы у нас ненормированный.

Я на него посмотрела, как на врага народа, и спрашиваю:

— Мне дальше рассказывать?

— Да, — говорит, — конечно, прошу вас.

Сбил с мысли, но я продолжила:

— На последнем курсе устроилась в рекламную фирму...

И опять он меня перебивает. Встревает такой на позитиве:

— И в целом мы даже приветствуем, когда люди начинают жить интересами фирмы.

— Это в смысле? — спрашиваю.

— Когда готовим проект, для нас обычное дело, если сотрудники задерживаются. Не ради денег — ради общей цели!